

А. С. ИЗГОЕВ

Интеллигенция и «Вехи»

Предисловие к моей книге я вынужден начать небольшим объяснением отчасти личного свойства. Среди полемических ударов, в таком изобилии направляемых на меня публицистами социал-демократического лагеря, громче всего звучит упрек в измене своим убеждениям, в том, что я — бывший марксист, бывший социал-демократ. Я не могу, по совести, признать справедливым такой упрек.

Социал-демократом в партийном значении этого слова я никогда не был. В тяжкие времена реакции, приблизительно до половины 1904 года, я работал вместе с социал-демократами потому, что считал их наиболее серьезной общественной группой, развивающей в России общественное сознание. Партийной связью я и тогда с ними связан не был и в «Союз освобождения» вступил совершенно свободным от каких бы то ни было принятых раньше партийных обязательств.

Что же касается «марксизма», то я как был, так и остаюсь марксистом. Но я никогда не считал себя ортодоксальным «марксистом», и в первой же моей журнальной статье («Жизнь», февр. 1899 года. «Французская интеллигенция») мною высказан ряд мыслей совершенно еретических с точки зрения правоверного догматика.

Русский марксизм, по моему глубокому убеждению, сыграл огромную и очень благотворную роль в истории русского общественного развития. Но русский марксизм во многом отличался от западноевропейского и во многих отношениях предвосхитил его развитие. Для сведущих в этой области людей не подлежит, напр<имер>, сомнению, что П. Б. Струве раньше и во многих отношениях ярче развил ревизионистские идеи, чем Эд. Бернштейн.

В России марксизм был воспринят преимущественно интеллигенцией и явился для нее незаменимой школой политического и социального реализма. В тесные кружки интеллигентской молодежи, жившей где-то на седьмом небе от грешной земли, в своем воображении создавшей фантастические миры, фантастический народ, брошен был действительно луч света, зерно настоящей науки. В то время как эта молодежь фантазировала на все лады о превращении страны с тысячелетней историей, с многомиллионными народами в социалистический рай, ей указали, что европейский социализм является продуктом многовекового экономического развития, следующего своим законам, не особенно считающимся с желаниями и фантазиями кучки интеллигентов.

Интеллигенцию приглашали отречься от чрезмерной субъективности, изучать явления жизни не сквозь призму их желательности или нежелательности, а разыскивать подлинные социальные силы, те, которые на самом деле приводят в движение народы и государства и влекут за собой социальные и политические перевороты. Эти силы интеллигенции предлагалось искать в ходе экономического развития страны.

Русский марксизм был несомненно отцом русского демократического конституционализма. Внешним образом это выразилось в том, что значительная часть марксистов отдала свои силы теоретической и практической пропаганде конституционных идей в России. Внутренне это сказалось тем, что только марксизму удалось теоретически обосновать необходимость для России конституционного строя, и это обоснование было так блестяще, так оправдывалось событиями жизни, что очень скоро от старых народнических антиконституционных иллюзий не осталось и следа. Эти иллюзии потом возродились — такова ирония судьбы — в лагере «твердокаменных» социал-демократов из интеллигенции. Марксисты доказали, что конституция требует ход экономического развития России, что переход к правовому строю от феодально-самодержавного обуславливается переходом от натурального, преимущественно земледельческого, быта к современному меновому индустриальному денежному хозяйству. Жизнь блестяще оправдала их теории.

Когда это начало сказываться, в лагере русских марксистов и произошел коренной раскол. Я говорю не о маловажном фракционном делении на большевиков и меньшевиков, а о коренном отколе марксистов неортодоксальных от марксистов ортодоксальных.

В Западной Европе марксизм родился тесно спаянным с социализмом. Но эта спайка не идейного, генетического характера, а чисто исторического, спайка от совместного существования. Идейно марксизм вовсе не влечет непременно к социализму, и, как неоднократно говорилось, можно быть марксистом, не будучи социалистом, и можно быть социалистом, не будучи марксистом. Значительная часть русской интеллигенции была социалистичной до того, как восприняла марксизм, и, восприняв его, решила им воспользоваться для скорейшего осуществления социализма. Объективное учение о закономерности социально-политического развития было в сущности подменено субъективным пророчеством скорейшего наступления социализма.

Теперь уже доказано, что идейно своими наиболее глубокими корнями марксизм связан, с одной стороны, с утилитаризмом Бентама¹, с другой — с органическими теориями французской реакционной школы начала XIX века. Но в восприятии большинства русской интеллигенции элементы подлинного марксизма уступили свое место фантастическому пророчеству о «прыжке из царства необходимости в царство свободы»². Так как в Западной Европе главным деятелем этого «прыжка» должен был быть пролетариат, в действительности являющийся главным элементом строя, эволюционно идущего на смену капитализму, то и в России все «надежды» начали возлагать на пролетариат.

С русскими «ортодоксальными», «революционными» марксистами — социал-демократами повторилась та же история, что с утопистами-народниками. Уроки политического реализма пропали даром. Существующее вновь стали подменять желаемым и вместо серьезного изучения реальных общественных сил опять люди предались приятному, но обманчивому фантазированию о грядущих социалистических переворотах. Создалась рабочая социал-демократическая партия, сплошь состоящая из интеллигенции. Во времена общественного возбуждения она поддерживала свое звание «рабочей» партии только тем, что демагогически плелась в хвосте рабочей толпы, контрастивно все ее нелепейшие требования вроде введения явочным порядком восьмичасового рабочего дня. Теоретически прекрасно сознавая и обоснованная истина, что России предстоит «буржуазная» революция, т. е. такая, которая приведет к гражданскому правовому строю, в жизни, чуть только зачалась давно возвещавшаяся борьба, была подменена утопической, нелепой теорией перманентной революции, непосредственно переходящей в социалистическую.

Марксисты неортодоксальные по этой дороге не пошли. Ясно видя необходимость и возможность широких социальных реформ, они не менее ясно сознавали невозможность социалистического, в подлинном смысле, переворота в стране со столь низким развитием производительных сил. Пробавляться же социалистическими фразами и, будучи социальными реформаторами, выдавать себя за социалистов, как популярности ради делают многие российские публицисты, они считали ниже своего достоинства.

В России, в противоположность Европе, смелым публицистом должен считаться не тот, кто объявляет себя социалистом, а тот, кто решается говорить правду и высказывать то, что существует в жизни. Главнейшая задача нашего времени — это подъем производительных сил. Только при развитии промышленности в России может идти речь о сколько-нибудь крупных реформах в области распределения благ. Неортодоксальные марксисты не делали себе кумира из пролетариата, а добросовестно искали те социальные силы, которые способны были бы решить очередную задачу: перевести Россию в разряд правовых государств. Если этот переход не удастся, если Россия не сможет превратиться в свободное правовое государство, гибель ее неизбежна.

В этих поисках неортодоксальные марксисты и пришли к интеллигенции.

Землевладельческое дворянство безусловно в огромном своем большинстве представляет силу реакционную, и к тому же само оно постепенно разрушается и волей-неволей утрачивает руководство провинциальной жизнью. Буржуазия в тесном смысле слова, т. е. купцы и фабриканты, у нас еще слаба, малокультурна, малоразвита. Управление такой огромной, разноплеменной и разноверной страной ей еще не по силам. К тому же буржуазия сама едва ли где непосредственно и управляет государством. В Англии она все еще пользуется услугами высококультурной независимой аристократии. Францией правят адвокаты, журналисты, всякого рода специалисты, настроенные вполне государственно, патриотизм которых закалился во время революционных войн. В Германии задачу правовой организации общества, способствующей наивысшему развитию производительных сил, взяла на себя честная, образованная, деловая государственная бюрократия, чуждая слепой ненависти ко всяким общественным силам. К тому же в Германии и дворянство, доставляя материал для лучшего офицерского со-

става, не утратило еще руководящей роли в сельском хозяйстве, а следовательно, и в сельской жизни.

Где же в России силы для конституционной реформы? На кого может опираться у нас конституционный строй? Всякий, кто серьезно, без предвзятых мыслей и без ребяческих надуманных социалистических фантазий подойдет к этому вопросу, может дать на него только один ответ. Только интеллигенция, лица свободных профессий, педагоги, так называемый «третий элемент»³, земский и городской, всякого рода технические работники, близко стоящие к населению, могут сделать эту огромной важности работу.

Таким образом, мы подошли к анализу духовного склада русской интеллигенции, ее нравственного облика, ее стремлений, ее недостатков и достоинств.

Отсюда родились «Вехи».

Почти все авторы «Вех» прошли через марксизм. Дальнейшее развитие их пошло в разные стороны, и в книге они предстали с разными идейными физиономиями. Но их объединила одна общая задача, одна общая цель.

Когда появились «Вехи», радикальная критика набросилась на них с криками: «Клевета, пасквиль, книга продиктована ненавистью к интеллигенции, все это давно уже было сказано Дьяковым-Незлобиным, Цитовичем и другими пасквилянтами». Таким своим отношением к «Вехам» радикальные публицисты доказали не только свою слепоту, неумение разбираться в явлениях жизни, но и свою глубокую недобросовестность. Радикальные публицисты отлично знали, что Маркевичи, Дьяковы, Цитовичи⁴, прославившиеся своими пасквильными нападениями на интеллигенцию, делали это большею частью из корыстных побуждений, получая за это субсидии из фонда для рептильной печати или добываясь доступа в аристократические салоны. А даже публицист очень враждебной «Вехам» провинциальной газеты должен был, не утратя чувства справедливости, написать такие строки: «Если бы мы твердо были убеждены, что составители сборника получили авансы от старика Суворина, мы были бы чрезвычайно счастливы. Улыбаясь и хитро подмигивая друг другу, хлопнули бы себя по карману — «знаем, мол» — и спокойно занялись бы каждый своим делом, стараясь возможно меньше рекламировать дрянную книжку. Мало ли мы видели ренегатов... Но в том-то и ужас, оттого брань и клики вокруг струвенской компании, что в тоне авторов «Вех» почудилась искренность; обвинения, которые они бросили нам в лицо, мы не можем объяснить ни корыстью, ни

злостью, это даже и не обвинения, а, вернее, исповедь и даже непременно так потому, что люди, написавшие «Вехи», кость от кости и плоть от плоти той же интеллигенции, так страшно поруганной ими» (харьковское «Утро», № 736).

Нужна была элементарнейшая добросовестность, чтобы понять, что авторы «Вех» руководятся не ненавистью и враждой, а совсем иными чувствами. Резкость и сконцентрированность их нападок на интеллигенцию тем и вызвана, что они слишком ясно видят огромную роль, предстоящую русской интеллигенции, и сознают, как много надо сделать, чтобы она стала достойна этой роли, смогла разрешить задачу колоссальной трудности: превращение России в правовое и демократическое государство. Невольно вспоминаются огненные, хотя и слегка напыщенные слова Лассалья: «Ничто не налагает на сословие такого исполненного достоинства и глубоко нравственного отпечатка, как сознание, что ему суждено быть господствующим сословием. Высокая всемирно-историческая честь такого предназначения должна переполнить собою все ваши помыслы. Пороки угнетенных, праздные развлечения людей немыслящих, даже невинное легкомыслие ничтожных — все это теперь недостойно вас. Вы — скала, на которой созиждется Церковь настоящего!»

Пасквилянты, к которым радикальные публицисты недобросовестно старались приравнять авторов «Вех», выполняли чужое поручение, стремились загрязнить, затоптать интеллигенцию, чтобы облегчить правительству принятие против нее репрессивных мер. Авторы «Вех» стремятся к одному: к перерождению и возрождению интеллигенции, чтобы сделать ее вполне достойной предстоящей ей задачи.

Из антигосударственной, антипатриотичной — интеллигенция должна стать творческой, созидательно-государственной по своим идеям силой, не теряя в то же время свободы своего духа, не сквернясь холопством, в котором морально и умственно погибло наше нынешнее служебное сословие.

Из антирелигиозной, фанатически атеистичной — интеллигенция должна превратиться в группу людей, действительно культурных. Она должна научиться ценить силу и значение для жизни подлинных религиозных идей, разделяемых сотнями миллионов, но в то же время не унижаться до лицемерного ханжества, убивающего человеческий дух.

Из духовно-высокомерной и нетерпимой она должна сделаться истинно гуманной, отвергающей всякий террор, как физический, так и моральный.

Из замкнутой в себе узкой группы теоретиков-фантазеров интеллигенция должна превратиться в широкое, открытое национальное общество умственно развитых людей, смотрящих на жизнь открытыми глазами, не подменяющих мыслей словами. Превращаясь в национальное, стоящее на почве реальных интересов общество, интеллигенция в то же время должна сохранить свой идеализм, свою готовность и умение работать для блага общественного, так как без такого идеализма ни одна группа не может приобрести прочного и благотворного влияния на народ.

Скажут, что поставленная задача неразрешима, что она утопична. На это могу дать только один ответ: разрешение ее необходимо. Если не удастся создать в России государственную интеллигенцию сознательными усилиями, она в ней народится как результат целого ряда катастроф, если только за это время не погибнет и не расчленился само государство. Пока мы живы, наша задача предупреждать эти катастрофы и готовить людей, способных к творческой работе.

Надеюсь, что эти предварительные замечания помогут читателю понять общий смысл статей, собранных в этой книге, касающихся разнообразных тем, но связанных одной общей идеей...

26 августа 1909 г. С.-Петербург

(Изгоев А. С. Русское общество и революция. М., 1910. С. 3—11; с подзаголовком «Вместо предисловия»)

